

У Сергея Донбая очень странный поэтический голос. Можно найти сюжеты у разных авторов, в самом общем виде похожие на его истории, но всякий раз, когда обнаруживаешь близость деталей, понимаешь, что стихи Донбая — феномен, рождённый временем, социальной средой, человеческой повадкой автора и только в последнюю очередь — литературой. И вот здесь совершенно точно возникает ошибка: литература участвует в его лирике властно и последовательно, но почти всегда принимает какой-то другой облик — шуточный, пустяковый, очевидно житейский, но только не серьёзный, не пророческий, не затаённо доверительный.

У Донбая нет распространённого сегодня литературного судейства, он не годится на роль строгого наблюдателя, стоящего на краю вселенской чаши и изрекающего оценки. Поэт —

одновременно вне событий и внутри происходящего. И это обстоятельство скрывает классическую литературную подкладку его стихотворений и сообщает интонации поразительную самобытность. В лирическом повествовании у Сергея Донбая постоянно проскальзывает какая-то сбивчивая присказка, что делает авторскую речь теплее, располагает читателя к рассказчику. Это доверительность сказок, а не интимность интеллигентской рефлексии.

Такая речевая походка позволяет ему удивительно легко сочетать приподнятые движения ума с деталями приземлёнными, бытовыми, порой натуралистически точными. И попутно дописывать картину, занимающую его сердце, углубляя пространство и расширяя панораму.

*Пела свободно и жадно,
Перезабыв обо всём.
Так утоляется жажда
Ртом и лицом под дождём!*

*Песенка, веточка, птица!
Сжат до бела кулачок.
То ли от счастья искрится,
То ли слезинкой — зрачок...*

В его стихотворениях постоянно что-то происходит, в особенности в «молодых» стихах. Прозрачное пушкинское построение фразы — подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство места или времени — помогает

нам обнаружить присутствие автора везде, но «перемещается» он вполне последовательно, и потому тут не найти тесного нагромождения ситуаций, взгляд переходит от одного к другому с удивительной естественностью.

У Донбая цепкое литературное зрение, он умеет связать мгновенные повороты бытия с предметными деталями и обнять их собственной жизнью, примирить отчуждённое и продолжить, казалось бы, оборванное. Подобно речи Пушкина, у него соединены человек и природа, быт и эмоции — как правило, более радостные, чем печальные, и это потому, что в них много детского.

Совсем по-детски поэт чувствует боль и заботу птиц и леса, луга и зверья. Он вписан в природный распорядок, хотя и отодвинут от непосредственного контакта с ним на некоторую дистанцию как городской человек. Сказывается его интуитивная тяга к родовому, о чём он почти случайно проговаривается:

*Косогор дождя грибного
С шумом в небыль перейдёт.
Но молчанья родового
Над кладбищем не прервёт.*

Здесь наглядна человеческая взаимосвязь, но природное всеединство автор только нащупывает.

Он может простыми средствами выстроить ощущение-переживание. Причём принципиально

живое Донбай создаёт только из простого. Вот почему его стихи так непосредственны и искренни, а во взгляде на окружающий мир видна наивность человека, который тут и сейчас появился внезапно — и почти неожиданно для самого себя. Он умеет изобразить или назвать привычное укрупнённо и чуть-чуть отстранённо, и читатель почти незаметно для себя становится с автором локоть в локоть — и вот уже смотрит на мир его глазами.

Природное и детское живут в Донбае, не споря и помогая друг другу. И совсем не случайно он уронил строку, которая говорит о нём почти всё:

*Мы путники из детства,
из природы.
Она нас — не случайно,
в свой черёд,
Сквозь тяжкие сибирские
сугробы,
Как первенец-подснежник
продохнёт.*

Донбай — поэт на редкость традиционный, свободный или белый стих у него выглядит недосказанным, поскольку подробности сюжета не связываются музыкой и созерцаются более умом, нежели душой. Между тем, речь Пушкина в переводе из Катуллы или в «Маленьких трагедиях» более чем убедительна для привычной рифмованной русской лирики. Великий

литературный пример подталкивает Донбая к несвойственным для него, но общепринятым в литературе стилистическим шагам. Так проявляется его верность цеховому братству, а самое убедительное подтверждение этому мы найдём в стихотворении «О Пушкине»:

*Целуй, целуй его, Наташа,
Певца с кудрявой головой!
Он непокорный, молодой,
Он здесь, он рядом, он посажен
До смерти на цепи златой.*

Почти с домашней теплотой он обращается к Наталье Гончаровой, и его голос созвучен голосу нашего гения.

Донбай чувствует надмирное значение художественного слова. Когда в его лирической истории поэт в порыве отчаянья сжигает собственную рукопись, освобождаются роковые силы и вдалеке вспыхивает совсем другой пожар: «И стала ночь помощницей огня, // Она его, как дерево, растила».

Так литература, словно некий организующий принцип, которому послушны сердце и разум, выстраивает словесную вселенную Сергея Донбая. А затем как бы прячется, переходит в подводное течение и насыщает живительной влагой все ростки жизни, которые под пером поэта обретают удивительный цвет и поразительную форму.